10 ФЕВРАЛЯ ДЕНЬ ПАМЯТИ А.С. ПУШКИНА

В Михайловское с юга Пушкин прибыл 9 августа 1824 г. В черновиках «Путешествия Онегина» он писал:

...я от милых южн<ых> дам,
От <жирных> устриц черноморских,
От оперы, от темных лож,
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Т<ригорских>
В далекий северн<ый> уезд,
И был печален мой приезд.

Приезд Пушкина домой был действительно печален. Он устал от скитаний и бедности. Однако Дом обернулся ссылкой, и, как бы для того чтобы подчеркнуть противоестественность такого сочетания, родной отец поэта имел бестактность принять на себя обязанности надзора над ссыльным сыном. Это привело к исключительно острым столкновениям между отцом и сыном и, в конечном итоге, к отъезду из Михайловского отца, матери, брата и сестры поэта. Пушкин остался в Михайловском один, в обществе няни Арины Родионовны Яковлевой.

Ссылка в Михайловское была тяжелым испытанием: разлука с любимой женщиной, одиночество, материальные затруднения, отсутствие духовного общения, друзей, развлечений могли превратить жизнь в непрерывную нравственную пытку. Вяземский писал: чтобы вынести ее, надо быть «богатырем духовным», и серьезно опасался, что Пушкин сойдет с ума или сопьется.

Однако Пушкин обладал активным, одухотворяющим окружающую жизнь гением: он не подчинился окружающему, а преобразил его.

Пребывание Пушкина в Михайловском было вынужденным и порой невыносимо грустным. По характеру и темпераменту Пушкин любил веселье, толпу, дружеский круг и кипящие разговоры. Вынужденное одиночество, однообразие дневного распорядка в сочетании с зависимостью деревенского быта от капризов погоды – все это было для него непривычно и иногда мучительно. И тем не менее мы можем с уверенностью сказать, что пребывание в Михайловском оказалось не только плодотворным для Пушкина-поэта, но и спасительным для него как человека.

Жизнь в Михайловском стала воплощенным контрастом со всем, что до сих пор было Пушкину привычно. Вместо толпы знакомцев и рассеяния – одиночество и сосредоточенность. Быт бедный, но не кочевой, а прочно сложившийся, подчиненный издавна заведенному распорядку. События редки и мерятся совсем иными, домашними, комнатными масштабами: получение письма, поездка в Тригорское становятся происшестви-

ями и окрашивают настроения дней, а иногда и недель.

Главное событие, основная сфера деятельности в этот период – творчество. Деятельность переносится внутрь души. В этой концентрации поэта на себе сошлись воедино внешние и вынужденные обстоятельства биографии с внутренними и органическими потребностями творчества, и все это окрасилось в особые, специфические тона благодаря неожиданной смене впечатлений от окружающей природы: Пушкин ведь покинул Одессу в самый разгар южного лета, а первое ощущение от природы Севера, после четырехлетнего перерыва, было связано с осенью. Народный быт и народная поэзия, атмосфера милых и тихих культурных гнезд провинциального дворянского мира, столь далеких от чиновной чопорности «милордов Уоронцовых» (так писал на английский манер сам Пушкин), охватили его по приезде и создали совершенно особый тон его Михайловской ссылки. В развитии Пушкина-писателя многое было связано с впечатлениями от каждодневной окружающей жизни, и вместе с тем сам пейзаж, быт, ежедневные впечатления выглядели по-иному потому, что Пушкин смотрел на них глазами реалиста. Причины и следствия здесь постоянно менялись местами (Гейченко, Лотман).

Тот переворот, который произошел в творчестве Пушкина в Михайловском и выразился в создании гениальных произведений с отчетливо реалистической окраской (а не только романтической), подготавливался не только творчеством предшествующего периода, но и сложно преломленным жизненным опытом. Переживания Пушкина-человека оказывали исключительно мощное воздействие на его творчество.

По Лотману, ведущим в формировании Пушкина-человека было размышление над тем, что же такое поэт. Пушкин всегда строил свою личную жизнь именно как личность поэта. И если романтизм отвечал на этот вопрос утверждением, что поэт – это «странный человек» (любимое выражение Лермонтова), человек, ничем не похожий на других людей, то центральным убеждением в этом вопросе для Пушкина в Михайловском сделалась вера в то, что поэт – это «просто человек».

«Черты ссылки, – пишет Лотман, – порой отступали для Пушкина на задний план, и тогда в окружающем его мире деревенской жизни и в северном пейзаже выступал облик родного Дома. Мир этот овеевался поэзией интимности и, хотя реальное детство поэта никак с Михайловским связано не было, заменял пропавшее детство и отсутствовавшие детские воспоминания».

Жизнь в Михайловском была скромной, даже скудной. Пушкин поселился не в парадных комнатах дома (да и помещичий дом в Михайловском был мал и неказист, «парадными» расположенные по фасаду комнаты могли называться лишь условно), которые оставались после отъезда всей семьи запертыми и зимой не отапливались. И. И. Пущин вспоминал: «Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами и проч. и проч. Во всем поэти-

ческий беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери – дверь в комнату няни...»

Расположенные в этой части барского дома комнаты обычно предназначались детям и слугам (здесь же, в частности, помещалась девичья) – взрослые господа занимали основные, выходившие окнами на фасад. Видимо, в этой комнате Пушкина поместили, когда он приехал с юга, а дом был занят родителями. Но то, что он и после их отъезда не переехал в парадные покои и ютился в детской (даже залой со стоявшим там бильярдом он, по свидетельству Пущина, зимой не пользовался), знаменательно в такой же мере, как и заметное оживление именно в этот период «лицейских воспоминаний». Происходит как бы психологическое возвращение в мир детства (Благой).

Пушкину свойственно было следить за своим духовным развитием и отмечать его вехи. В этом отношении он решительно не походил на таких поэтов, как Байрон или Лермонтов, чей духовный идеал отличался постоянством и которые сами конструировали свой внутренний образ как неизменный. Однако движение вперед (по Лотману) мыслится Пушкиным как возвращение. «В известном стихотворении «К***» («Я помню чудное мгновенье...») содержится такая концепция духовного развития: первоначальное «чистое» состояние души – душевное затмение – возрождение как возвращение к светлому началу. Это светлое, «детское» как идеал нравственных устремлений также окрашивало жизнь в Михайловском.

Быт поэта был подчеркнуто прост, совершенно не включал в себя никаких элементов «помещичьих» забот и занятий. Даже такие обычные занятия дворянина в деревне, как охота, были исключены из его существования», – пишет Лотман..

Главное дело Пушкина в Михайловском – литература. 26 сентября 1824 года Пушкин написал стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», которое опубликовал в качестве предисловия к отдельному изданию первой главы «Евгения Онегина». Это была декларация права поэта на правдиво прозаическое отношение к жизни. Стихотворение написано как диалог между человеком поэзии (Поэтом) и человеком прозы (Книгопродавцем), в котором пересечение различных точек зрения на поэзию завершается утверждением простоты как истины, смелостью свободного от всякой позы взгляда на жизнь:

Книгопродавец:

Внемлите истине полезной:
Наш век – торгаш;
в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Поэт:

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

Время пребывания в Михайловском совпало с напряженной борьбой Пушкина за профессионализацию писательского труда.

Вопрос гонорара диктовался не корыстолюбием, а борьбой за хотя бы ту относительную свободу и человеческое достоинство, которые давала в России материальная независимость, при сознательном отказе от традиционных для русского дворянина источников существования: службы и помещичьих доходов.

В период пребывания в Михайловском Пушкин энергично занимается своими издательскими делами (Гейченко). Задуманный сборник «Стихотворения Александра Пушкина», которому автор придавал очень большое литературное (а также и коммерческое) значение, потребовал немалых хлопот. Прежде всего надо было получить от Никиты Всеволожского рукописную тетрадь стихотворений, которою Пушкин еще в 1820 г. расплатился с приятелем в покрытие карточного долга в 1000 рублей. После переговоров через А. Бестужева и брата тетрадь была получена. Началось дополнение и переработка. 30 декабря 1825 года. книга (помеченная на титуле 1826 годом) вышла в свет с эпиграфом из римского поэта Проперция, который в русском переводе звучал так: «Юность поет о любви – муж воспевает тревоги».

Но латинское слово tuimiltus означает не только «шум», «тревогу», но и «мятеж», «бунт», «восстание». Цензурное разрешение на книгу было дано 8 октября 1825 года, но поэт имел возможность снять эпиграф, который после 14 декабря 1825 года получал опасно актуальное звучание.

Карамзин, взглянув на эпиграф, пришел в ужас и писал Плетневу: «Что вы это сделали? зачем губит себя молодой человек?» Сборник, включающий в себя, в частности, стихотворения «Андрей Шенье», «Вакхическая песня», «Наполеон», «Лицинию» и блестящий подбор любовной поэзии, зазвучал через две недели после подавления восстания на Сенатской площади как голос надежды, нарушивший молчание замершей литературы. О том, как был воспринят сборник читателем тех дней, лучше всего свидетельствует его неслыханный успех: 27 февраля 1826 г. (через два месяца после выхода сборника) Плетнев писал Пушкину: «Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни единого экз., с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить».

«Стихотворения Александра Пушкина» поступили в продажу 30 декабря 1825 г. Их неслыханный в истории русской литературы успех был общественным фактом. Стихи Пушкина вселяли надежду, напоминая о жизни. В том, как читатели расхватывали тоненький томик стихов, чувствовался знак наступления нового времени: оппозицию романтических героев-одиночек разогнали штыками и картечью – пришло время другой, гораздо более опасной для правительства оппозиции – анонимной и неистребимой оппозиции общественных сил (Бурсов, Лотман). И то, что первый же взор нового общественного сопротивления обратился к лирике Пушкина, – факт, исполненный глубокого исторического смысла. Ведь могла бы иметь место и другая реакция: читатель, подавленный мрачной атмосферой столицы декабря 1825 года, мог и не заметить какую-то книжку стихов в 200 небольших страничек. Мало ли было более

серьезных забот! Но произошло иное: в трудную и трагическую минуту взоры русской публики с надеждой обратились к Пушкину (Лотман, Гейченко).

В годы ссылки в Михайловском Пушкин становится признанным первым русским поэтом (Бурсов, Гейченко). Обязательные эпитеты Пушкин-лицейский, Пушкин-племянник, Пушкин-младший (для того чтобы отличить от дяди – поэта Василия Львовича Пушкина) при упоминаниях его имени в переписке современников исчезают. Он делается просто Пушкин, и уже при имени В. Л. Пушкина прибавляется поясняющее «дядя». Выход в свет в марте 1824 г. «Бахчисарайского фонтана» с предисловием Вяземского, в феврале 1825 г. – первой главы «Евгения Онегина» и в конце того же года – «Стихотворений Александра Пушкина», журнальная полемика вокруг этих изданий, распространение (главным образом, через брата Льва, против воли самого поэта) его еще не напечатанных произведений ставят его на место, значительно возвышающееся над другими русскими поэтами. Дельвиг в письме от 28 сентября 1824 г., именуя друга «великий Пушкин», пишет: «Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты», а Жуковский в ноябре того же года выразился еще определеннее: «Ты рожден быть великим поэтом <...> По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе».

Пушкин сознавал, что такое положение накладывает на него особую ответственность, и готовился к новой роли – организатора литературного движения.

Декабристы оказали сильное влияние на развитие русской журналистики, однако ни один из существовавших в ту пору журналов, по мнению Пушкина, не находился во главе литературы. Состояние литературной критики его также не удовлетворяло.

Но Пушкин вел себя обдуманно и осторожно, сознательно не связывая себя ни с одной из литературных группировок и партий. Одновременно он весьма твердо проводил свою программу, которая, в основном, сводилась к следующему: альманахи – маленькие ежегодные книжечки – не могли по самой своей природе быть оперативными и направляющими литературу изданиями. Для этого нужен был журнал. И Пушкин, опережая развитие литературы, начал пропагандировать идею создания толстого литературного журнала. Руководство журналом он явно хотел сосредоточить в своих руках, но понимал, что такое издание должно объединить всех честных и талантливых писателей России (именно объединение было важным пунктом его программы!). Журнал должен говорить не от лица какой-либо группы, а быть авторитетным законодателем литературных мнений. В нем особое место отводилось бы критике.

Литературный разгром, последовавший за 14 декабря 1825 г., сорвал эти планы.

Изолированный в псковской глуши, Пушкин был связан с литературной жизнью лишь тонкой ниточкой писем, которые читались бдительными чиновниками сыска, терялись на почте, у приятелей, через которых посылались.

Однако главное литературное дело он совершал дома, за своим письменным столом. В Михай-

ловском Пушкин много писал и много читал, много и чутко прислушивался к народной речи и народной поэзии. В письмах он не переставал подчеркивать, что ленится, много ездит верхом, о работе писал скупо, но непрерывно прося все новых и новых книг. На самом деле он жил в атмосфере почти непрерывного творческого напряжения, писал и учился (Гейченко, Лотман).

За это время им было написано следующее: закончены «Цыганы», написан «Борис Годунов», завершена третья и написаны четвертая – шестая главы «Евгения Онегина», «Граф Нулин», несколько десятков стихотворений, среди них такие шедевры, как «К морю» (закончено в Михайловском), «Подражания Корану», «Жених», «19 октября», «Андрей Шенье» и многие другие. Не правда ли, читатель, какой ароматный, какой роскошный букет творческих достижений !

Пушкин работал над несколькими принципиальными литературно-критическими статьями, посвященными вопросам народности литературного языка. Большим трудом, отнявшим много усилий, стала работа поэта над своими записками. Труд этот он уничтожил после 14 декабря 1825 г. Если к этому добавить работу над подготовкой сборника стихотворений 1826 г. и над не дошедшим до нас рукописным сборником эпиграмм, станет очевидно, сколь напряженной была литературная жизнь Пушкина в этот период и как интенсивен должен был быть его каждодневный труд. К этому следует прибавить массу прочтенных в это время книг: из Лицея Пушкин вынес поверхностное и несистематическое образование – в 1830-е гг. он поражал современников глубокими и исключительно обширными познаниями в мировой литературе, истории, политической жизни, публицистике (Лотман). Значительную часть этих сведений, как пишет Гейченко, он приобрел в Михайловском. Наконец, надо учесть серьезный, на уровне науки тех лет, интерес к фольклору, который поэт удовлетворял как знакомством с печатной литературой, так и записью устных источников. Брату он писал: «...вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» Арина Родионовна была, видимо, талантливой сказительницей с выразительной манерой исполнения и разнообразным репертуаром.

Напряженный труд, скрывавшийся под маской «легкого безделья», не был продиктован простым желанием самообразования – он имел отчетливую цель. В Петербурге и на юге Пушкин чувствовал себя учеником своих друзей-декабристов. Его интеллектуальные усилия были направлены на то, чтобы «в просвещении стать с веком наравне», догнать учителей и получить их признание. Однако тяжелые размышления 1823 г. породили глубокие сомнения в идеях безнародной революционности. Одновременно народ предстал как огромная загадка – сочетание силы и рабского терпения ставило в тупик. (Не наше ли время, читатель, это напоминает?)

Лотман пишет: «Главный смысл умственных усилий Пушкина в это время сосредоточен на том, чтобы понять ту силу, без которой всякий политический протест заранее обречен, – понять народ. Положение его как мыс-

лителя меняется: на юге он был в толпе друзей, и главная задача состояла в том, чтобы не отстать, теперь он сознает, что вырвался вперед, идет один и именно на него возложена тяжелая работа познания. В этой ситуации Мысль становится главным оружием. На юге соотношение поэта и политика рисовалось так: политик-конспиратор знает пути и цели, а поэт – его помощник – распространяет эти идеи среди читателей, воодушевляет и воспламеняет бойцов перед битвой. Его задача почетна, но главное дело делают Орлов или Пестель, Н. Тургенев или Н. Муравьев. Теперь картина рисуется в другом свете: пути еще предстоит узнать, способы – взвесить; главное дело в том, чтобы понять, что же такое народ, и быть понятым им. В этих условиях мысль становится важнейшим действием, и именно поэт-мыслитель, вооруженный строгой правдой своего искусства, превращается в передового борца» (Курсив везде мой. – Ю.С.).

Рылеев призывает Пушкина написать поэму в декабристском духе: «...ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения – и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы». Пушкин не написал поэмы о Псковской республике, он написал «Бориса Годунова». Не исповедь романтика, пользующегося историей как средством, а драму-исследование. История, как и фольклор, оказывается для Пушкина путем к познанию народной психологии, а историческое прошлое, изученное без романтической предвзятости, – средством познания настоящего.

По Гейченко, не только книги – среди них, в первую очередь, «История государства Российского» Карамзина, – сама окружающая местность располагала к историческим занятиям: места вокруг Михайловского наполнены памятью о Ливонской войне и походе Батория под Псков, а поместья Ганнибалов напоминали об эпохе Петра I и XVIII веке. Исторические труды, народные песни, окружающие пейзажи связывались воедино. «Борис Годунов» – свидетельство победы реализма в творчестве Пушкина. Ориентируясь на шекспировскую традицию, Пушкин сознательно уклонился от романтической тенденции превращать героев в рупоры авторских идей. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «...истина удивительная, трезвость, спокойствие. Автора почти нигде не видишь. Перед тобою не куклы на проволоке, действующие по манию закулисного фокусника». «Борис Годунов» – трагедия, проникнутая одновременно духом политической злободневности и верностью изображаемой эпохе. Раскрывая историческую обреченность антинародной власти, Пушкин одновременно показал глубокую противоречивость в позиции народа, сложно сочетающей силу и слабость. Судьбы всех политических сил определяются «мнением народным». Однако политическое сознание народа не поднимается выше осуждения «царя-Ирода» и противопоставления ему «младенца убиенного». На деле новый царь также оказывается убийцей. Народ в ужасе отшатывается от него. Круг замыкается.

«Борис Годунов» был драмой-исследованием. Среди пушкинских представлений об идеале поэтической личности появился новый оттенок: поэт-мыслитель, поэт-ученый, как Карамзин, и

одновременно поэт, «не мудрствующий лукаво», простодушным чувством истины и морали сближающийся с «мнением народным», как летописец. Соединение этих позиций Пушкин называл «взглядом Шекспира» (Лотман).

Общее изменение тональности жизни сказалось в стиле пушкинского досуга. Никогда еще одиночество не занимало в его жизни такого места: одинокие прогулки верхом, игра с самим собой на бильярде «в два шара», чтение. Общество Пушкина в этот период почти исключительно составляет многочисленное семейство соседней тригорской помещицы Прасковьи Александровны Осиповой. Самой Осиновой еще лишь сорок с небольшим лет. Это умная, прекрасно образованная женщина из культурной дворянской семьи.

Сюда же, в Тригорское, приезжала знакомая Пушкину еще по Петербургу племянница П. А. Осиповой, двадцатичетырехлетняя Анна Петровна Керн. Красавицу Керн (в девичестве Полторацкую) шестнадцати лет выдали замуж за пожилого генерала. К моменту приезда в Тригорское она уже разошлась с мужем и пережила несколько сердечных увлечений. В Тригорском – Михайловском у нее произошел бурный, хотя и кратковременный, роман с Пушкиным. Именно Анне Петровне Керн было посвящено одно из лучших в мировой любовной лирике стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье».

Веселье, шутки, розыгрыши, почти серьезные, серьезные и совсем серьезные влюбленности, кипевшие в Тригорском, были полны смысла: сквозь флер и готовые штампы романтических коллизий проступали контуры той свободной, раскованной жизни, идущей по законам искусства, – жизни, возвысившейся до искусства (Лотман).

Но жизнь в Михайловской ссылке меньше всего напоминала веселую идиллию любви, игры и творчества. Это была ссылка, и порой она делалась Пушкину невыносима. Не случайно он обдумывал планы бегства за границу через Дерпт, строя невероятные проекты операции мнимого «аневризма в ноге», переодевания слугой Вульфа и пр.

Лотман пишет: «Соединение воедино родного дома, убежища от скитаний и гонений, и тюрьмы, места насильственного пребывания, малейшая отлучка из которого может быть расценена как бегство, было противоестественно и поэтому особенно тяжело. «Домашняя ссылка» была мучительна. Годы пребывания в Михайловском сделались для Пушкина временем, когда идеал подлинного родного дома, освященного любовью, все болезненнее возникал в сознании поэта. Черты такого родного гнезда он стал теперь приписывать Лицею. В Лицее он видел отчий дом, а в лицеистах – братьев, забывая, что еще несколько лет назад всей душой стремился вырваться из царскосельской «кельи». Именно в Михайловском Пушкин создал стихи, в которых все, что связывается с самыми интимными и сокровенными привязанностями человека, отдано Лицею («19 октября»)».

Тем более волнующими событиями были посещения Михайловского лицейскими друзьями: И. И. Пущиным (11 января 1825 г.) и А. А. Дельвигом (апрель 1825 г.).

Приезд Пущина, посетившего Пушкина первым, требовал муже-

ства. К Пушкину Пущин проявил нежную заботливость. Свидание было недолгим, а разговор – жарким. Разговор зашел о тайном обществе, и Пущин не скрыл от Пушкина своей к нему причастности. Вечером Пущин уехал. Позже он вспоминал: «Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем и пьем на вечную разлуку!» Через двенадцать лет, когда Пущин отбывал каторгу в Нерчинске, умирающий Пушкин назвал его имя.

А между тем в России было неспокойно... Известие о бунте на Сенатской площади в Тригорское привез повар Осиповых Арсений.

Потянулись дни тревоги и неизвестности. Письма почти перестали приходить. Газеты скупо сообщали об арестах. В списках арестованных Пушкин с тревогой читал имена друзей. В конце января в Варшаве был арестован Кюхельбекер. Собственное положение Пушкина весьма сомнительно: он не знает, что и насколько известно правительству, и живет в тревожном ожидании. Друзьям в Петербург (через Жуковского) он наказывает: «...вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня».

И именно это время – время напряженной творческой активности. Творческое мышление идет сложными путями: в начале января 1826 г. Пушкин закончил четвертую главу «Евгения Онегина» шутливыми стихами о предпочтении, которое он с некоторых пор отдает вину «Бордо» по сравнению с шампанским «Аи». Затем с лихорадочной поспешностью пишутся пятая, а за ней – шестая глава романа, посвященные Одессе строфы, которые в дальнейшем вошли в «Путешествие Онегина», набросок перевода из Ариосто о ревности, задуманы «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери».

Господствующее настроение этих недель, видимо, – томительное ожидание. Пушкину было очевидно, что большая эпоха русской жизни, та эпоха, которую он знал, в которой вырос, деятели которой были ему понятны и знакомы, кончилась. Кончился период богатырей 1812 года: Раевского, Ермолова, Витгенштейна, Милорадовича, время, когда еще жива была традиция Екатерины II – крупные должности занимают крупные личности. Каким будет новое время, никто не знал. Что за человек Николай Павлович, не знала не только Россия, но и дворянское общество. Будущее было неизвестно. Ясно одно: Россия переживает исторический момент и современникам выпало на долю видеть то, о чем внуки будут читать, и Пушкин был готов мужественно взглянуть в лицо этой новой эпохе, не предаваться романтическим жалобам, а постараться понять исторический смысл происходящего. Дельвигу в начале 1826 г. он писал: «Не будем ни суеверны, ни односторонни – как фр.<анцузские> трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира».

Этот оптимизм поддерживается не только верой в правду исторического развития и стремлением к «шекспировской» объективности, но и надеждами на сравнительно легкие приговоры. В том же письме он писал: «Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя». В России со времен Елизаветы Петровны смертная казнь была уничтожена. Существовали, конечно, исключения (Пугачев, Мирович), однако за все

прошедшее в XIX в. время не было ни одного смертного приговора (не шли в счет засекаемые насмерть солдаты и военные поселенцы, поскольку их формально не приговаривали к смерти, во-первых, и они не были дворянами и как бы «не считались», во-вторых). Сама многочисленность обвиняемых, их принадлежность к лучшим семьям России, высокие связи, явное сочувствие их делу многих высоких сановников – все это заставляло ожидать, что торжествующее правительство проявит милость: под предлогом коронации или какого-либо другого торжественного события объявит широкую амнистию и смягчение наказаний. Даже Пестель, делавший на следствии убийственно откровенные признания, рассчитывал, что мерой наказания может быть разжалование его в солдаты. Никто не знал ни мелкой мстительности Николая I, ни того, что 14 декабря заставило его пережить унизительные минуты страха. Этого он никогда не мог забыть и простить поверженным декабристам. Николай Павлович знал, что его нельзя любить, – он хотел, чтобы его боялись.

Расправа с декабристами могла быть продиктована политическими соображениями, но в непонятной для современников мстительности, мелочном преследовании уже совершенно не опасных ему врагов крылось другое: император все еще завидовал этим когда-то блестящим, удачливым, ярким, насмешливым офицерам предшествующего царствования, при свете ума которых он, неодаренный, необразованный и неостроумный, уходил в непроницаемую тень.

24 июля Пушкин узнал о казни Рылеева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. Казнь и каторжные приговоры потрясли Пушкина. В письме Вяземскому 14 августа 1826 г. он писал:

«Еще таки я всё надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Собственная участь была неизвестна.

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. в Михайловское прискакал фельдъегерь с приказанием немедленно отправляться в Москву, где в это время находился в связи с коронацией Николай I. Приказано везти Пушкина «в своем экипаже свободно, не в виде арестанта», но сопровождение конвойного офицера было достаточно выразительным.

Михайловская ссылка кончилась. В ней Пушкин достиг расцвета своего гения и стал не только национальным сокровищем, но и знаменем русской литературы.

Этот очерк является продолжением очерков автора о разных этапах жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина, опубликованных в разные годы в газетах «Советская Россия», «Пушкинский край», «Правда», «Псковская правда». При его написании использованы воспоминания современников поэта, труды Ю.М. Лотмана, С.С. Гейченко, Д.Д. Благого и Б.И. Бурсова. Огромное влияние на формирование взглядов автора на жизнь и творчество великого поэта оказало многолетнее общение с Героем Социалистического Труда Семеном Степановичем Гейченко, почти полвека руководившим Музеем-заповедником А.С. Пушкина в Михайловском.